

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 316.2

ВЛАДИМИР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, заведующий
отделом истории и теории социологии Ин-
ститута социологии НАН Украины

Теории социального порядка: особенности структурирования и преподавания по объяснительной схеме Дж.Коулмена

Аннотация

В статье анализируется опыт преподавания теорий социального порядка в США. Акцентируются преимущества применения объяснительной схемы Дж.Коулмена в преподавательской практике. Рассмотрены примеры такого применения в учебном курсе и хрестоматии по теориям социального порядка, разработанных М.Хечтером и К.Хорн. Их попытки реструктурирования классических и современных теорий доказывают полезность использования объяснительной схемы Дж.Коулмена. В процессе преподавания эта схема помогает осуществить реструктурирование и унификацию теорий социального порядка. Это реструктурирование совершенствует концептуальный дизайн теорий и улучшает восприятие их содержания студентами. В итоге студенты лучше понимают понятия, утверждения и причинные связи теории. В теоретических исследованиях анализ теорий по объяснительной схеме Дж.Коулмена облегчает обобщение, сравнение и выяснение их преимуществ и недостатков. Это создает предпосылки для поиска путей взаимодополнения различных теоретических подходов и теоретического синтеза. В эмпирических исследованиях объяснительная схема Дж.Коулмена помогает формализовать теорию, операционализировать ее понятия, выбрать математические модели связей между понятиями и верифицировать теоретические утверждения.

Ключевые слова: *социальный порядок, теория, механизм, объяснительная схема, макросоциальный уровень, микросоциальный уровень*

Проблема социального порядка — сердцевина предметного поля социологии. Ведь в свое время генезис социологической науки был обусловлен именно обострением указанной проблемы в модерных обществах при одно-

временном ограничении возможностей ее традиционного решения исключительно силовыми способами. С момента ее выделения в ряду общественных наук и до наших дней призыванием социологии остаются поиски приемлемых концептуальных решений проблемы социального порядка. Речь идет о поиске такого объединения или взаимодействия разных составляющих общества, при котором те не мешают и не противодействуют друг другу, а сочетаются нужным образом либо действуют согласованно — подобно органам жизнеспособного биологического организма или частей исправного технического механизма.

Поэтому проблематика социального упорядочения постоянно является предметом теоретизирования. Разумеется, накапливающийся при этом теоретический опыт служит содержательным наполнением учебных курсов и пособий по социологии. В течение последних десятилетий в США дважды издавалась хрестоматия по теориям социального порядка, составителями которой являются М.Хечтер и К.Хорн [Theories, 2003; 2009]. Переиздание этой книги можно рассматривать как свидетельство востребованности и успешного внедрения в учебный процесс. Предпосылкой успеха составителей хрестоматии в данном случае является авторская концепция учебного курса. Она воплотилась в отборе текстов теоретиков, структурировании их совокупности на главы и в учебно-методическом обеспечении использования пособия. В частности, функционирует компаньон-сайт второго издания хрестоматии по адресу: www.socialorder.com. На нем размещены наглядные материалы к ее главам в формате презентаций Microsoft PowerPoint, а также методические рекомендации. Последние касаются дополнительной литературы к курсу и использования фрагментов художественных фильмов для визуализации исследуемых социальных феноменов в процессе преподавания.

Главное содержимое хрестоматии — тексты с изложением теорий социального порядка — Хечтер и Хорн структурировали не по традиционному хронологически-биографическому, а по тематически-проблемному принципу. То есть персональный вклад ведущих теоретиков изложен не в хронологической последовательности и в зависимости от преемственности их творческой деятельности, согласно укоренившемуся делению теоретизирования на классическое и современное. Вместо этого вся совокупность теорий социального порядка структурирована исходя из их предметных, содержательных особенностей (о них речь пойдет ниже).

Вместе с тем оригинальность хрестоматии Хечтера и Хорна на фоне других подобных учебных пособий определяется прежде всего нацеленностью на обоснование применимости теорий в эмпирических исследованиях, “на выявление последствий (implications), которые различные теории имеют для современных исследований” [Theories, 2003: p. xii]. По утверждению авторов-составителей, большинство вступительных учебных курсов к теории социологии почти полностью оторваны от остальных учебных курсов, в частности по методике проведения эмпирических социологических исследований. Изучение курсов социологической теории представляет для студентов скорее своеобразный “обряд посвящения, нежели возможность получить набор инструментов, которые помогут направлять эмпирические исследования” [Theories, 2003: p. xii]. После окончания этих курсов студенты порой не понимают значения теорий для развития эмпирических исследований и не способны теоретически осмысливать собственную жизнь с точки

зрения социологии. Вот почему Хечтер и Хорн пытаются побуждать студентов к осознанию связей между социологической классикой, современным теоретизированием и эмпирическими исследованиями, оценивать правильность социологических теорий исходя из их пригодности в попытках понять реальные социальные проблемы. Благодаря своей хрестоматии авторы надеются дать студентам возможность изучить и сравнить разные факторы и механизмы, обуславливающие продуцирование, поддержание и трансформацию социального порядка.

При этом проблемность социального порядка выводится из одновременно индивидуального и социального характера жизнедеятельности человека. Проблема социального порядка, по мнению авторов-составителей, заключается в том, что каждый человек может жить только в пределах собственного отдельного физического тела и переживает сугубо собственные события, знания, чувства и притязания (то есть отличается от себе подобных). Наряду с этим каждый человек появляется на свет в среде себе подобных и вынужден искать возможности сосуществования и согласия с ними, несмотря на очевидную нетождественность, а нередко и несовместимость их предпочтений и стремлений.

В итоге исходное авторское толкование социального порядка сводится к выделению двух его составляющих: а) порядка как координации сосуществования и взаимодействия людей; б) порядка как кооперации в их деятельности для достижения общих целей¹ [Theories, 2003: p. 29–30]. Координация здесь означает согласованность и слаженность поведения взаимодействующих людей, необходимые им прежде всего, чтобы не мешать друг другу жить. Речь идет также о предсказуемости взаимодействий между индивидами, что позволяет им развивать устойчивые ожидания касательно поведения по отношению друг к другу. Собственно такие взаимные ожидания и делают возможной координацию. В то же время благодаря кооперации возможно плодотворное взаимодействие людей, результатами которого являются совместное создание ими разнообразных полезных для общества вещей. Такое сотрудничество ради общей цели обеспечивает людям множество преимуществ, но и требует от них ощутимых затрат личных ресурсов — времени, здоровья, усилий и т.п. Нарушение соизмеримости между личными вкладами и достижениями людей в ходе их сотрудничества, как и их вредный для общества и опасный для других людей произвол, нужно преодолевать ради поддержания социального порядка. Отсутствие координации и кооперации истолковывается как беспорядок (разлад) в пределах общества, что может привести его к упадку, разрушению и даже прекраще-

¹ Это определение содержания понятия социального порядка заимствовано авторами-составителями из творческого наследия Ф. фон Хайека (соответствующий отрывок из его работы есть в хрестоматии). Хайек при различении спонтанного и организованного порядков говорит о проявлениях социальной упорядоченности, которые можно трактовать: 1) как координацию (поскольку “эффективное осуществление наших планов зависит от того, насколько ожидания в отношении действий других людей, на которых мы строим наши планы, отвечают их реальным действиям”, крайне важна “согласованность намерений и ожиданий, обуславливающих действия разных людей”); 2) как кооперацию (“удовлетворение большинства наших потребностей зависит от разных форм сотрудничества с другими”) [Хайек, 1999: с. 62].

нию существования. В итоге человеческие сообщества можно рассматривать как различающиеся и сопоставимые по уровню координации и кооперации, а значит — по уровню социальной упорядоченности.

Авторы-составители предлагают подборку ответов разных социальных теоретиков на ряд вопросов: “При каких условиях люди способны как координировать свою деятельность, так и кооперироваться? Какими механизмами достигается социальный порядок? ... как порядок был создан и поддерживается, и почему некоторые группы, поселения и общества имеют больше порядка, чем другие” [Theories, 2003: p. 31]. В своей книге они не навязывают конкретных желаемых образцов и уровней социального упорядочения, а ориентируются скорее на систематизацию объяснений генезиса социального порядка. Практический интерес здесь усматривается в выяснении возможностей общества в повышении уровня упорядоченности в своих пределах.

Первое и второе издания хрестоматии концептуально отличаются по тематике основных разделов с изложением сугубо теорий социального порядка (табл. 1).

Тематике основных глав первого издания свойственна определенная концептуальная эклектичность: названия глав подчеркивают как различные факторы социального упорядочения — значения, ценности и нормы, могущество и власть, так и проявления социальной упорядоченности — спонтанный порядок, группы и сети. Темы основных глав второго издания, на мой взгляд, концептуально более родственны: в названиях этих глав сделан упор на разные проявления социальной упорядоченности — социализированных индивидов, иерархии, рынки, группы и сети. То есть со временем авторская концепция учебного курса стала более концептуально завершенной.

В процессе переиздания хрестоматии почти не претерпели содержательных изменений те главы, в которых речь идет о таких факторах упорядочения общества, как общие значения, центральная власть и взаимозависимость участников социального обмена. Однако существует различие между первым и вторым изданиями хрестоматии в приоритетности рассмотрения ценностно-нормативного и структурно-сетевых факторов социального упорядочения. Первое издание содержит целую главу с рассмотрением фактора общих ценностей и норм. Тогда как во втором издании эта глава отсутствует, а тексты из нее сохранены частично: только фрагменты из работ З.Фрейда и Э.Дюркгейма перемещены в главу: “Группы”. То есть феномен ценностей и норм во втором издании лишь опосредованно рассмотрен в концептуальном контексте теоретизирований по поводу такого фактора социального упорядочения, как связи в пределах групп. В то же время имеющаяся в первом издании хрестоматии глава “Группы и сети” в ее втором издании была разделена на две полноценных главы “Группы” и “Сети”, существенно дополненные новыми текстами. В целом среди текстовых дополнений переизданной хрестоматии количественно преобладает теоретическое наследие представителей теории рационального выбора, в том числе и авторов-составителей¹. Таким образом, отмеченные изменения те-

¹ Дж.Ритцер неоднократно упоминает М.Хечтера среди выдающихся представителей этого теоретического направления [Ритцер, 2002: с. 318–319, 612, 619].

матики и содержательного наполнения издания вероятнее всего отражают научные интересы и предпочтения авторов-составителей.

Таблица 1

Тематика и содержательная наполненность основных* глав хрестоматии “Теории социального порядка”, составленной М.Хечтером и К.Хорн

<i>Первое издание (2003)</i>		<i>Второе издание (2009)</i>	
Название главы	Ключевой фактор генезиса порядка: теоретики**	Название главы	Ключевой фактор генезиса порядка: теоретики**
“Значение” (Meaning)	Общее значение (Shared meaning): <i>К.Маркс; Э.Дюркгейм; Л.Флэк; Дж.Мид; Д.Коэн и Дж.Ванделло</i>	“Индивиды” (Individuals)	Общее значение (Shared meaning): <i>К.Маркс; Э.Дюркгейм; Л.Флэк; Дж.Мид; Д.Коэн и Дж.Ванделло</i>
“Ценности и нормы” (Values and Norms)	Общие ценности и нормы (Shared values and norms): <i>З.Фрейд; Э.Дюркгейм; К.Хорн; И.Гоффман; Э.Фер и М.Хечтер</i>	“Иерархии” (Hierarchies)	Центральная власть (Central Authority): <i>Т.Гоббс; Ф.Энгельс; М.Вебер; П.Уиллис</i>
“Могущество и власть” (Power and Authority)	Центральная власть (Central Authority): <i>Т.Гоббс; Ф.Энгельс; М.Вебер; П.Уиллис</i>	“Рынки” (Markets)	Взаимозависимость (Interdependence): <i>Ф. фон Хайек; А.Смит; Т.Шеллинг; Р.Аксельрод; К.Циммер</i>
“Спонтанный порядок” (Spontaneous order)	Взаимозависимость (Interdependence): <i>Ф. фон Хайек; Т.Шеллинг; А.Смит; Р.Аксельрод</i>	“Группы” (Groups)	Связи внутри групп (Ties within groups): <i>И.Гоффман; З.Фрейд; Э.Дюркгейм; А. де Токвиль; М.Хечтер; Дж.Коулмен; К.Хорн; Д.Чентола, Р.Уиллер и М.Мейси; М.Хечтер, Д.Фридман и С.Канадзава</i>
“Группы и сети” (Groups and Networks)	Групповая солидарность и структура сетевых связей (Groups solidarity and structure of networks ties): <i>Г.Зиммель; М.Грановеттер; Э.Геллнер; А. де Токвиль; М.Хечтер, Д.Фридман и С.Канадзава</i>	“Сети” (Networks)	Групповая солидарность и структура сетевых связей (Groups solidarity and structure of networks ties): <i>Э.Геллнер; М.Глюкман; Г.Зиммель; М.Грановеттер; А.Варшней</i>

* Речь идет исключительно о главах хрестоматии, содержащих отрывки из работ теоретиков с изложением их теорий социального порядка. Информация о вступительном, итоговом и вспомогательном разделах хрестоматии в таблице не приводится.

** В графе таблицы курсивом выделены фамилии и инициалы теоретиков в случаях, когда те же их тексты помещены как в первом, так и во втором изданиях хрестоматии.

Ознакомлению читателей с теориями природы и генезиса социального порядка в основных главах хрестоматии предшествует объяснение того, что именно авторы-составители понимают под теорией вообще и ее универсальными составляющими в частности. Они однозначно не склонны сводить теорию к описанию, интерпретации или идеологии. Теория трактуется как общее абстрактное объяснение природы социальных феноменов. При чем такое объяснение, учитывая неисчерпаемую сложность мира, упрощает

восприятие действительности, поскольку направляет внимание исследователя на ее проявления, именно сейчас наиболее существенные для него. Иными словами, теория делает возможной идентификацию только тех фактов, которые важны в объяснении сугубо определенного явления. То есть теории в целом откровенно признаются несовершенными и ограниченными: сознательно приуменьшая степень значимости одних проявлений действительности, а то и вообще пренебрегая ими, они переоценивают и даже гиперболизируют степень значимости других. Наконец, может сказываться также эмпирическая основа теорий, обобщающих сугубо наблюдаемые факты, тогда как ненаблюдаемые обычно неизвестны, и их зачастую не учитывают в теоретических построениях. Таким образом, наиболее обобщенно теорию можно уподобить простейшему утверждению: “Если X , то Y , где X и Y являются наблюдаемыми”.

Впрочем, структура социальных теорий, объектом анализа которых являются социальные системы, гораздо сложнее. Хечтер и Хорн выделяют два вида универсальных структурных составляющих теории — замеченные теоретиком причинно-следственная связь и причинный механизм. Причинно-следственная связь концептуально объединяет причину и следствие — социальный фактор и обусловленный им социальный эффект. Обобщенно природу этой связи отражает следующее утверждение: “ X вызывает Y , если путем изменения X можно повлиять на Y ”. Таким образом подчеркивается корреляционный характер и причинный порядок связи — изменение X должно предшествовать изменчивости Y . Соответственно в эмпирическом исследовании речь может идти о корреляции между независимой и зависимой переменными.

Причинный механизм Хечтер и Хорн определяют как конкретный процесс, благодаря которому социальный фактор обуславливает социальный эффект. То есть речь идет не только о констатации причинно-следственной связи, но и об объяснении того, почему она существует в данных обстоятельствах. Обычно концептуализация причинного механизма объясняет явления более высокого уровня путем ссылок на явления низшего уровня. В частности, социальный феномен макроуровня объясняется через анализ совокупно образующих его микросоциальных феноменов. Например, при объяснении факторов участия масс в социальной революции прибегают к рассмотрению мотивации поведения отдельного индивида. В данном случае мотивационный причинный механизм поведенческих проявлений непосредственно не наблюдается, поскольку наблюдать обычно можно поведение, а не его мотивы. Приходится прибегать к общим упрощенным предположениям, которые не описывают всей сложности человеческого существа и его побуждений к действию. Но такие предположения могут оказаться полезными в разработке теории поведения большого количества людей, поскольку эти упрощения позволяют учитывать их определенные общие мотивационные и поведенческие особенности.

Хечтер и Хорн откровенно оговаривают, что немногие классические и современные теории содержат явные определения причинно-следственных связей и причинных механизмов, тем более отвечающие наблюдаемой действительности. Это весьма ограничивает возможности понимания и применения теорий. Поэтому именно для того, чтобы прививать и развивать соответствующие навыки, составители хрестоматии пытаются побуждать

студентов своими силами выявлять, анализировать и сравнивать причинно-следственные связи и причинные механизмы, постулируемые в разных теориях социального порядка. В качестве критерия такой идентификации, анализа и сравнения причинно-следственных связей и причинных механизмов предложена их типология, основанная на объяснительной модели Дж.Коулмена [Coleman]¹ (рис. 1).

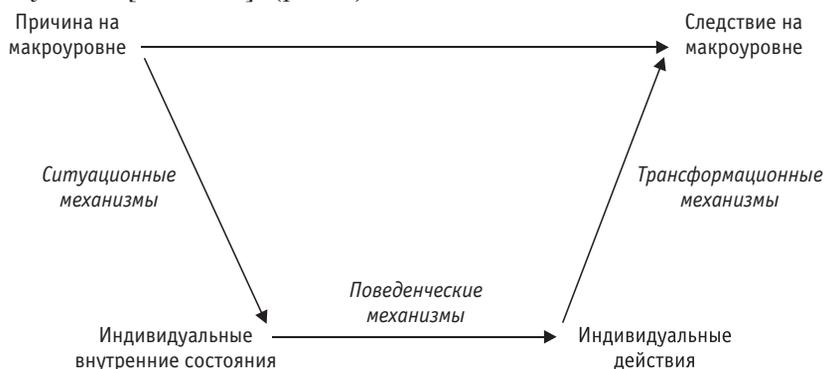

Рис. 1. Типы причинных связей и механизмов [Theories, 2003: p. 17]

Причинно-следственная связь между макросоциальным фактором и его макросоциальным следствием объясняется путем ссылки на механизмы, которые их объединяют. Поэтому теории могут содержать утверждения о *ситуационных механизмах*, которые объясняют микросоциальные следствия на уровне психики физических лиц, обусловленные действием макросоциального фактора. Такими следствиями являются определенные индивидуальные внутренние состояния — предпочтение, отношение, намерение, стремление, предубеждение, склонность, отчаяние, негодование и др. В то же время утверждения теории о *поведенческих механизмах* раскрывают особенности мотивационного влияния индивидуальных внутренних состояний физических лиц на их поведение. В качестве примера таких утверждений Хечтер и Хорн рассматривают описание М.Вебером механизмов мотивации целерационального, ценностно-рационального, традиционного и аффективного действий. Наконец, в утверждениях о *трансформационных механизмах* теоретики объясняют, как индивидуальные действия лиц объединяются путем агрегации или стратегического взаимодействия и в совокупности вызывают определенные макросоциальные последствия. Можно, например, говорить о валютном поведении человека и его влиянии на общий курс национальной денежной единицы, об электоральном поведении граждан и изменении центральной власти, государственной политики и т.п.

Опыт применения рассмотренной объяснительной схемы Дж.Коулмена при реинтерпретации теорий социального порядка очень важен в педагогико-методическом и научно-исследовательском измерениях. Поэтому сле-

¹ Американский социолог Дж.Коулмен (1926–1996) предложил собственную оригинальную версию теории социального выбора, которая расширила объяснительные возможности социологов в анализе причинных связей между микро- и макросоциальными явлениями. Обоснованный анализ возможностей объяснительной модели Дж.Коулмена в ее систематизированной Г.Эссером версии, изложение эпистемологических принципов основанной на ней аналитической социологии см. в: [Гацков, 2011: с. 154–160; 2014].

дует рассмотреть образцы соответствующего аналитического реструктурирования приведенных в хрестоматии разработок отдельных выдающихся теоретиков, выдержавших испытание временем и практикой преподавания.

Изложение теорий социального порядка Хетчер и Хорн начинают с рассмотрения коммуникационного взаимопонимания между индивидами как условия координации и кооперации между ними. Составители хрестоматии прежде всего отмечают общий язык как один из факторов координации и кооперации. В презентации Microsoft PowerPoint для главы “Индивиды” второго издания они удачно иллюстрируют этот тезис библейской притчей о незаконченном строительстве Вавилонской башни из-за неразберихи среди строителей в результате того, что они были лишены общего языка (Бытие. 11: 5–9) [Individuals, s.a.: sl. 5]. Однако это весьма упрощенный взгляд на коммуникативные предпосылки социального порядка. Для полноценной координации и кооперации одного лишь общего языка недостаточно. Ведь язык предоставляет только общие средства для описания вещей, действий и чувств. Тогда как прежде всего необходимы общие для индивидов значения (shared meaning) этих вещей, действий и чувств, что делает возможным взаимопонимание, согласованность действий и сотрудничество. Отсутствие таких общих значений может привести к непониманию, беспорядку и противоборству. Это обстоятельство побуждает теоретиков к поиску объяснений образования общих значений и особенностей их влияния на социальное упорядочение.

Составители хрестоматии предлагают студентам ознакомиться с содержанием ряда теорий образования общих значений, которые опосредованно становятся основой социального порядка. Если при анализе соответствующих текстов хрестоматии руководствоваться выбранным аналитическим критерием — объяснительной схемой Дж.Коулмена (рис. 1), можно обнаружить теоретические построения, описывающие *ситуационный механизм* генезиса социального порядка в обществе (табл. 2).

Таблица 2

Концептуализации образования общих значений как ситуационного механизма генезиса социального порядка в обществе

Теоретик	Причина на макроуровне	Индивидуальные внутренние состояния
К.Маркс	Способ производства	Усвоенная идеология
Дж.Г.Мид	Социальные роли	Интернализированные аттитюды

Прежде всего речь идет о фрагментах из работы К.Маркса “Немецкая идеология...” (см.: [Маркс, 1959: с. 18–19, 23–25]¹). В этой работе Маркс определяет способность человечества самостоятельно продуцировать свои средства для существования как главное отличие людей от животных. Поэтому способ материального производства жизненных средств, то есть *что* и *как* вырабатывается людьми, является, по Марксу, фактором продуцирования их общих значений, воплощаемых в идеях, представлениях, сознании, идеологии. В частности, общие значения добра и зла для людей явля-

¹ Тут и далее по тексту моей статьи фрагменты из работ ведущих теоретиков, приведенные в хрестоматии Хетчер и Хорн, идентифицированы (со ссылками на страницы) по доступным изданиям украиноязычных и русскоязычных переводов упомянутых работ.

ются не их врожденным качеством, а скорее производными от материальной деятельности и торговли людей. Эти значения осознаются людьми в течение жизни, а также изменяются под влиянием материального мира.

Образование аттитюдов как разновидности общих значений объяснено в отрывке из работы Дж.Г.Мида “Дух, самость и общество...” (см.: [Мид, 2000: с. 140–149]). Здесь Мид утверждает, что сложные кооперативные процессы и деятельность, а также институциональные функционирования организованного человеческого общества возможны постольку, поскольку каждый вовлеченный в них индивид может: а) усваивать общие аттитюды остальных таких же индивидов в отношении этих процессов, деятельностей, институциональных функционирований и организованного общества в целом; б) направлять собственное поведение в соответствии с указанными аттитюдами. И только путем усвоения индивидами аттитюдов “обобщенного другого” (организованной общности) к ним самим может образоваться универсум общения как определенная система общих социальных значений, которые мышление предполагает в своем контексте. Благодаря языку человек усваивает от других людей различные институциональные роли в рамках социальной общности и таким образом делает возможным влияние институтов на собственное поведение. В целом для Мида социальный порядок предстает как своего рода ролевая игра: когда каждый знает правила игры, все ведут себя в соответствии с надлежащими игровыми ролями и полностью отвечают ролевым ожиданиям общества.

Два механизма генезиса социального порядка концептуализированы в приведенном отрывке из работы Э.Дюркгейма “Первобытные формы религиозной жизни...” (см.: [Дюркгейм, 2002: с. 195–203]). В этой работе Дюркгейм объяснял природу происхождения религиозных верований, убеждений и чувств, а также их влияние на поведение индивидов. Согласно Дюркгейму, религиозные верования являются производными от восприятия людьми некоторых социальных объектов или деятелей как священных (сакральных) на фоне мирского (профанного) мира. Такое восприятие связано с почитанием признанных святынь, что проявляется в ритуалах — обрядовых действиях по отношению к ним. Ритуалы трактуются как символические действия, понятные лишь в кругу почитателей святынь, а значит, рассматриваемые как свидетельства существования у них общих ценностей. Макросоциальным фактором генезиса религиозных верований людей Дюркгейм считал чрезвычайный рост интенсивности социальных взаимодействий — их частоты и активности в определенные исторические периоды в результате больших коллективных потрясений (рис. 2).

Этот *ситуационный механизм* Дюркгейм объясняет влиянием стихийных бедствий, завоеваний и революций, когда люди больше склонны объединяться и более остро переживают чувство долга и всеобщий подъем. Отсюда, по мнению Дюркгейма, в силу желания и способности объяснять причины наблюдаемых явлений люди со временем связывают проявления этих необычайно высоких эмоций и страстей со сверхъестественными, божественными силами. И эти их представления закрепляются как религиозные верования, чувства, убеждения. В свою очередь, *микросоциальный поведенческий механизм* заключается во влиянии религиозных верований индивида на его действия: индивид действует согласно своим религиозным убеждениям, поскольку это залог его чувства уверенности в себе и внутренней моральной

гармонии. По логике объяснительной схемы Коулмена (рис. 1), эти тезисы о ситуационном и поведенческом механизмах можно дополнить предположением о *трансформационном механизме*: совместимые с верованиями, а значит, в целом прогнозируемые и согласованные действия индивидов агрегируются и в совокупности образуют макросоциальный порядок скоординированных и скооперированных взаимодействий.

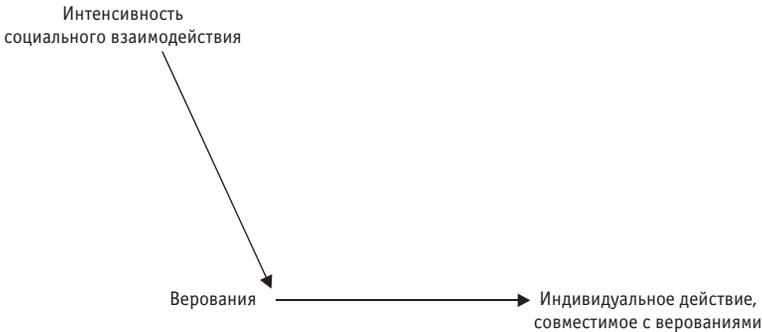

Рис. 2. Структурирование Дюркгеймовой теории генезиса верований по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Individuals, s.a.: sl. 30]

Впрочем, недостаточно знать, как люди становятся способными разделять общее понимание ситуации или знать правила общежития, как люди далее руководствуются этим общим пониманием или придерживаются указанных правил в своих действиях. Ведь даже постижение людьми всех общих для данной группы значений не исключает возможности пренебрежения ими из соображений личной выгоды. Несмотря на очевидную необходимость общего языка, идеологии и верований как оснований социального порядка, их явно недостаточно для его поддержания.

Итак, в следующих главах хрестоматии Хечтер и Хорн знакомят с текстами теоретиков, которые объясняют, почему люди координируются и кооперируются даже вопреки собственным интересам и желаниям. В частности, речь идет о теориях образования и усиления центральной власти в обществе как фактора его социального упорядочения. Прежде всего читателям предлагается изложение теории естественных прав и общественного договора Т.Гоббса в ряде отрывков из его работы “Левиафан” (см.: [Гоббс, 2000: с. 91–92, 132–135, 138–139, 150–158, 161–162]). Согласно этой теории на макроуровне естественное состояние войны всех против всех ведет к образованию государства, которое, в свою очередь, становится фактором социального упорядочения общества (рис. 3).

Предпосылки войны всех против всех Гоббс усматривает в человеческой природе. Люди способны к рассудительности — взвешиванию собственных затрат и выгод, учету последствий собственных действий. В то же время люди эгоистичны, поскольку превыше всего стремятся к достижению желаемого — прежде всего безопасности (избежания смерти и увечий), достатка и уважения. Они неумны в стремлении к власти как средству достижения всего желаемого для них. Следовательно, естественным состоянием Гоббс определяет обстоятельства, когда люди втянуты в постоянное взаимное конкурентное противоборство за власть или борьбу с посягательствами на их свободу со стороны тех, кто уже захватил власть. И поскольку люди в

целом одинаковы в своих желаниях и притязаниях, они оказываются непримиримыми врагами, свободными и ничем не ограниченными в средствах достижения собственной цели при отсутствии понятий добра и зла, справедливости и несправедливости. Но вследствие жизни в естественном состоянии люди постоянно не уверены в собственном будущем и напуганы ожиданием преждевременной смерти и увечий. Из-за этого они не удовлетворены жизненными обстоятельствами естественного состояния и стремятся к безопасности и лучшей участи в условиях социального порядка. То есть *ситуационный механизм* здесь усматривается в том, что как фактор макроуровня естественное состояние войны всех против всех, когда “жизнь отвратительна, тупа, беспросветна и коротка”, приводит к появлению у индивида осознания его неприемлемости и желания порядка ради безопасности.

Рис. 3. Структурирование Гоббсовской теории генезиса социального порядка по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Hierarchies, s.a.: sl. 22]

Вместе с тем, согласно Гоббсу, люди как рациональные эгоисты никогда не будут использовать собственную силу в ущерб себе. Поэтому они будут пытаться достичь мира с другими людьми, если убеждены, что и те поступят так же. И от собственного суверенитета — сугубо личных естественных прав и свобод — люди откажутся только тогда, когда это будет им выгодно. Только учитывая все эти свои склонности, люди могут совместно и согласованно отказаться от личного суверенитета и безвозвратно полностью передать его верховной власти взамен на ее обязательства обеспечивать социальный порядок. Таким образом — через общественное соглашение между людьми и верховной властью — образуется государство, уполномоченное установить, поддерживать и при необходимости силой восстанавливать порядок. А люди становятся бессильными сопротивляться государственной власти и под угрозой наказания подчиняются установленному им порядку. В итоге обусловленность указанными индивидуальными психологическими интенциями индивида его отказа от личного суверенитета в пользу верховной власти государства рассматривается как *поведенческий механизм* генезиса социального порядка. А образование государства вследствие агрегации огромной совокупности таких индивидуальных отказов в ходе общественного договора трактуется как *трансформационный механизм*.

Следующий *ситуационный механизм* заключается в том, что государство как фактор макроуровня целеустремленно вызывает у индивида ощущение страха перед наказанием за нарушение порядка и побуждает его к оценке и

признанию личных потерь вследствие собственных девиаций. Обусловленность этими индивидуальными психологическими интенциями индивида его попытки избежать возможных потерь путем покорности и уступчивости государству толкуется как *поведенческий механизм*. И наконец, появление и поддержание социального порядка вследствие агрегации большой совокупности таких индивидуальных поведенческих проявлений лояльности и уступчивости определяется как *трансформационный механизм*. В целом теоретические построения Гоббса описывают два полных цикла причинно-следственных связей и механизмов социального упорядочения на основе государственной власти. Впрочем, несмотря на безупречную логику этой концептуализации, эмпирически сомнительно в ней утверждение Гоббса о добровольном отказе рациональных эгоистов от собственного суверенитета в естественном состоянии в пользу центральной власти государства.

С изложением эмпирически более достоверной теории решения проблемы социального порядка через государственное принуждение читатели хрестоматии могут ознакомиться в отрывке из работы Ф.Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства...” (см.: [Энгельс, 1964: с. 163–167]). В отличие от Гоббса, Энгельс определяет в качестве исходного макросоциального фактора возникновения государства не “войну всех против всех”, а противоборство между господствующими и подчиненными классами с взаимоисключающими интересами (рис. 4).

Рис. 4. Структурирование Энгельсовской теории генезиса социального порядка по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Hierarchies, s.a.: sl. 31]

При этом деление общества на такие классы и противоречия между ними объясняются их отношением к средствам производства: господствующее положение приписывается классам собственников средств производства, а подчиненное — тем, кто лишен этой собственности. Таким образом в ходе классового противоборства наиболее сильный класс собственников получает политическую власть и подчиняет себе управление государством, которое, соответственно, вводит и принудительно поддерживает социальный порядок в интересах господствующего класса. Помимо названных выше причинно-следственных связей на социальном макроуровне, наглядная схема (рис. 4) раскрывает механизмы действия государственного принуждения на микросоциальном уровне. *Ситуационный механизм* здесь заключается в том, что государство средствами своих силовых структур, а также идеологии и религии побуждает индивида к осознанию весьма высокой

цены его собственного отклонения (девиации) за рамки введенных норм поведения. Такое осознание побуждает индивида к лояльному поведению — по крайней мере показной уступчивости и согласию с действующими нормами (*поведенческий механизм*). Действия индивидов, соответствующие действующим нормам, агрегируют и совокупно образуют и воспроизводят социальный порядок (*трансформационный механизм*).

Действенность государственного принуждения как фактора внедрения социального порядка в обществе не подлежит сомнению. Но само по себе принуждение довольно затратно для государства, ведь все люди, которые его профессионально осуществляют, требуют содержания за его счет. Наконец, принуждение — этически непривлекательно. Поэтому не случайно Энгельс отмечал значение идеологии и религии, делающих доминирование господствующего класса собственников в восприятии представителей подчиненных классов вполне естественным. Обеспечение такой интеллектуальной гегемонии господствующего класса приписывается подвластным ему институтам образования, религии и медиа. Эта идея несилового обеспечения лояльности и подчинения нормам легла в основу теории генезиса социального порядка, представленной читателям хрестоматии в отрывках из работы М.Вебера “Хозяйство и общество...” (см.: [Вебер, 2012: с. 184–198, 206–212]). Согласно Веберу, добровольную уступчивость людей, их заинтересованность в подчинении действующим нормам обеспечивает культивируемая властью вера в легитимность существующего социального порядка, то есть в его предполагаемую законность, оправданность и приемлемость (рис. 5).

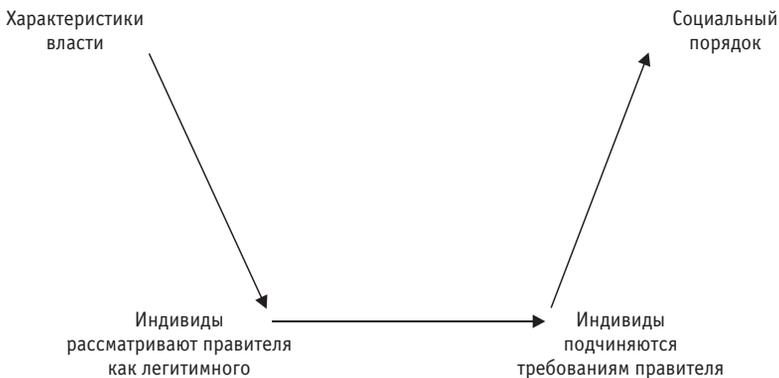

Рис. 5. Структурирование Веберовой теории генезиса социального порядка по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Hierarchies, s.a.: s. 66]

Характеристики действующей власти влияют на восприятие индивидом правителя как легитимного (*ситуационный механизм*). Это восприятие побуждает индивида добровольно и непринужденно подчиняться требованиям легитимного правителя (*поведенческий механизм*). Агрегация поведенческой лояльности индивидов ведет к образованию и воспроизводству социального порядка (*трансформационный механизм*). Особого внимания здесь заслуживают данные Вебером характеристики идеальных типов социального порядка, которые обуславливают его принятие людьми. Эти характеристики раскрывают природу каждого типа порядка, объясняя способы связи правителя (руководителя) с его подчиненными и с его администра-

тивным персоналом, который непосредственно руководит огромным количеством рядовых граждан (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики идеальных типов социального порядка по М.Веберу

Характеристики	Порядок		
	Патримониальный	Харизматический	Бюрократический
Основы легитимности	Вера в святость и преемственность родовых традиций и легитимность основанной на них власти правителей	Вера в исключительную святость, героизм, высокую миссию и образцовый характер лидера, производные от высших сил	Вера в верховенство права, законность действующих норм и полученных в соответствии с ними полномочий руководителей
Особенности социальных норм	Нормы и обычаи, укорененные в воспроизводящейся традиции	Отсутствие фиксированных норм. Создание собственных новых норм лидером	Письменно зафиксированные общие нормы для конкретных случаев
Отношения подчиненности	Личностные	Личностные	Обезличенные и четко определенные
Основы (источники) рекрутинга персонала	Традиционная лояльность (родственники, земляки, иждивенцы, клиенты)	Безоговорочная преданность (убежденные последователи)	Специальное образование, компетентность и опыт (дипломированные специалисты и эксперты)
Мотивация и вознаграждение персонала	Натуральные ресурсы. Присвоение дохода от налогов, сборов и собственности. Права землепользования	Воплощение ценностей и идеалов. Доля от пожертвований лидеру. Отсутствие других важных вознаграждений	Фиксированные денежные зарплаты и пенсии. Карьера с продвижением на основании заслуг и старшинства

В итоге прежде всего успешность власти и социального порядка считается залогом их легитимности, но критерии такой успешности разные, поскольку зависят от социального времени и пространства. Вебер рассматривает бюрократический порядок как наиболее эффективный в силу его стабильности, предсказуемости, опоры на разделение труда, подотчетности должностных лиц и ограничения возможностей их произвола, пригодности для выполнения разных задач с большой точностью, скоростью и эффективностью. Однако этот порядок получил распространение в современных обществах в значительной мере в результате внедрения новейших технологий связи, транспорта и мониторинга.

В следующей главе хрестоматии Хечтер и Хорн предлагают читателям тексты теоретиков, которые обосновывают возможность продуцирования благоустроенного общества корыстными и рациональными эгоистами без внешнего принуждения вследствие действия фактора их взаимозависимости. Прежде всего можно ознакомиться с отрывком из работы Ф.Хайека «Право, законодательство и свобода» (см.: [Хайек, 1999: с. 60–79]). Здесь Хайек приводит, объясняет и развивает древнегреческую типологию социальных порядков и их факторов (табл. 4).

Характеристики типов социального порядка по Ф.Хайеку

Характеристики	Спонтанный порядок	Организованный порядок
Древнегреческие понятия	Космос (Kosmos)	Таксис (Taxis)
Способ возникновения	Стихийное появление в ходе социальной эволюции	Целенаправленное создание согласно человеческому замыслу
Источники или детерминанты	Эндогенные (внутрисистемные, изнутри)	Экзогенные (внесистемные, извне)
Конкретная цель	Отсутствует	Служит цели творца(ов)
Сложность	Не ограничена тем, что может постичь разум	Ограничена тем, что может постичь разум
Восприятие и рефлексия	Требует мысленной реконструкции, абстрактный и сложный для понимания	Постижим на уровне ощущений, конкретный и интуитивно понятный
Возможности контроля	Незначительные	Значительные
Правила / закономерности	Независимые от цели, затрагивают интересы большого и неопределенного количества людей	Зависят от цели и интересов творца(ов), заданных им(и) задач
Пример	Рынки	Иерархии, организации

Эта типология охватывает два издавна известных типа социальных порядков. Один из них — организованный порядок — определяется Хайеком как созданный людьми преднамеренно и сознательно, как служащий цели своего творца(-ов). Разумеется, в этом случае познавательная систематизация такого порядка осуществляется уже в ходе вызревания замысла творцов касательно его создания в соответствии с их намерениями. Другой тип — спонтанный порядок — рассматривается как непредсказуемый итог действия различных спонтанных сил упорядочения. Это значит, что возможно только осознание его общего характера, но не познавательная систематизация его конкретного содержания. Можно наблюдать только внешние проявления спонтанного порядка, но невозможно достоверно знать все обстоятельства его возникновения, все его конкретные составляющие и особенности их существования. Очень трудно представить, каким будет возможный спонтанный порядок, ведь это зависит от меняющихся обстоятельств его окружающей среды, из начального состояния его составляющих — индивидов и сообществ, правил/закономерностей, регулирующих поведение составляющих, и т.п. Он является продуктом совокупной деятельности многих людей, но не следствием какого-то человеческого замысла. Таким образом, социальный порядок общества в целом зависит от центров как спонтанного, так и организованного порядка в его пределах — рынков, властных иерархий и организаций.

Теория генезиса спонтанного порядка Хайека содержательно отличается от Гоббсовой и Энгельсовой теорий генезиса организованного порядка акцентом на первичности и определяющем характере обуславливаемых индивидами источников социального упорядочения (рис. 6).

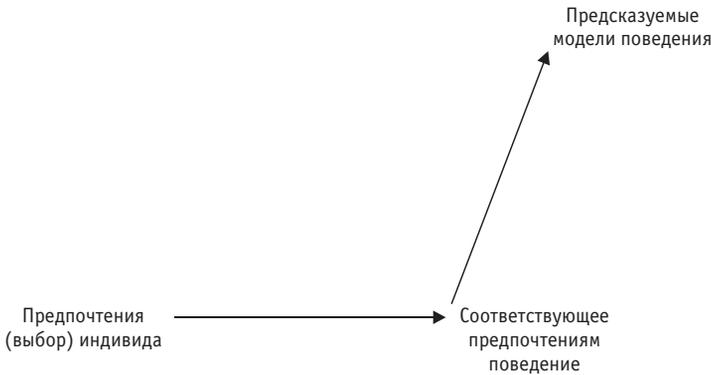

Рис. 6. Структурирование теории генезиса спонтанного социального порядка Хайека по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Markets, s.a.: sl. 10]

Поведенческий механизм здесь делает возможным возникновение спонтанного порядка, когда каждый индивид, управляемый собственными интересами, имеет правильные ожидания касательно поведения других людей и соответствующие этим ожиданиям личные предпочтения и ведет себя в соответствии с ними. *Трансформационный механизм* проявляется агрегацией совместимой и сложной микросоциальной взаимной поведенческой активности индивидов. Это приводит к упрочению системы предсказуемых моделей их поведения на макроуровне — проявлений возникшего спонтанного порядка. То есть предсказуемость (координируемость) во взаимоотношениях людей достигается и без принуждения со стороны центральной власти. Но дополняется ли такая предсказуемость (координированность) поведения рациональных эгоистов также и их кооперацией?

Для поиска ответа на этот вопрос составители хрестоматии предлагают читателям отрывок из работы А.Смита “Благосостояние наций...” (см.: [Сміт, 2001: с. 11–18]). По мнению Смита, рациональные эгоисты могут вполне самостоятельно и без внешнего принуждения создать социальный порядок, то есть достичь не только координации, но и кооперации своих действий. Как решающее здесь определяется именно человеческое корыстолюбие, обуславливающее склонность людей платить натурой, торговаться и обменивать одни вещи на другие. При отсутствии обмана или ошибочных решений добровольный обмен увеличивает личное благосостояние его участников, ведь в конечном счете они становятся более обеспеченными. Хотя при таком обмене дополнительные товары не производятся, благосостояние общества в целом растет, потому что люди лучше удовлетворяют свои потребности в условиях разделения труда. Когда люди, исходя из возможностей такого обмена, выгоды и собственных естественных талантов, склоняются и прибегают к специализации в усовершенствованном производстве отдельных товаров на продажу, повышается производительность труда и богатство в пределах всего общества (рис. 7).

Эти отмеченные поведенческий и трансформационный механизмы являют собой исходный цикл социального упорядочения. Следующий его цикл начинается с того, что увеличение общественного и индивидуального богатства вызывает у человека чувство удовлетворенности, готовность соглашаться с таким общественным порядком и склонность к кооперации (*ситуационный механизм*). В свою очередь, кооперативные склонности ин-

дивиды имеют следствием его соответствующее поведение, а значит — невынужденную кооперацию с другими индивидами (*поведенческий механизм*). Агрегация подобных локальных центров кооперации в совокупности образует социальный порядок макроуровня (*трансформационный механизм*). Таким образом, корыстная заинтересованность человека в обмене в итоге способствует общественно полезным последствиям, что абсолютно не входило в его первоначальные намерения. В этом тезисе заключается отличие теории Смита от теории Гоббса (табл. 5).

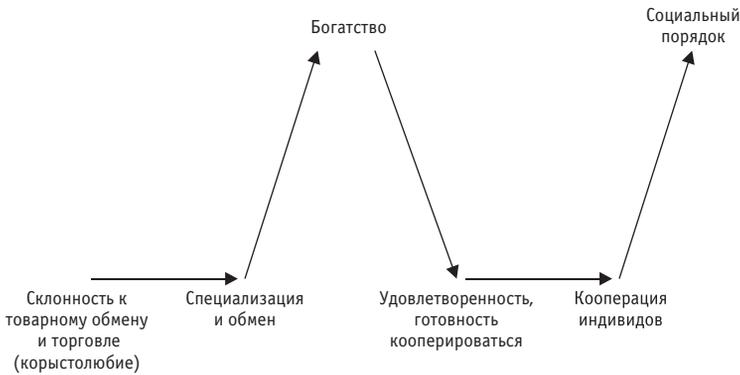

Рис. 7. Структурирование теории генезиса социального порядка Смита по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Markets, s.a.: sl. 31]

Таблица 5

Различия теорий социального упорядочения Т.Гоббса и А.Смита

Характеристики	Теоретизирования	
	Т.Гоббса	А.Смита
Основание	Люди — рациональные эгоисты	Люди — рациональные эгоисты
Вывод	Война всех против всех за ресурсы	Разделение труда и обмен ресурсами
Ресурсы	Фиксированные	Растущие
Модель социального взаимодействия	Игра с нулевой суммой: выигрыш одних участников за счет проигрыша других	Игра с позитивной суммой: все участники выигрывают от повышения производительности труда
Главный фактор упорядочения	Центральная власть государства	“Невидимая рука” рынка

Хотя оба теоретика исходили из одинакового положения о рациональной эгоистичности человека, в итоге они пришли к противоположным выводам о главных механизмах и факторах социального упорядочения. В то же время Смит не отрицает необходимости существования “минимального” государства. Такое государство не вмешивается в рыночные отношения, однако способствует торговле и выполняет обязанности своеобразного “ночного сторожа” в обществе — защищает людей от насилия, воровства и мошенничества. Впрочем, сама по себе теория Смита не объясняет сотрудничества рациональных эгоистов при учреждении этого государства. Наконец, существуют и эмпирические опровержения Смитовой теории “невиди-

мой руки” рынка. В частности, К.Поланьи обращал внимание на негативные последствия политики государственного невмешательства (*laissez-faire*) в экономику в Великобритании XIX века. Итак, в настоящее время бесспорным остается господство модели социального государства в современных развитых капиталистических странах, что предполагает государственное вмешательство и регулирование экономики.

Составители хрестоматии знакомят читателей также с предположениями о возможности кооперации рациональных эгоистов без внешнего принуждения в отрывках из работ Р.Аксельрода. Аксельрод предполагает такую возможность на основе рассмотрения результатов математического моделирования человеческих взаимоотношений с применением общеизвестной теоретической игровой модели “дилеммы узника”¹. Он показывает, что когда люди многократно вступают в повторяющиеся взаимодействия на условиях этой модели в течение длительного времени, в их интересах — кооперироваться. Кооперация здесь основывается на взаимности, обоюдности и обмене, то есть на стратегии “око за око, зуб за зуб”. И когда кооперация выгодна для рациональных эгоистов в долгосрочной перспективе, социальный порядок среди них может возникать даже при отсутствии изрядного контролирующего государственного органа. В частности, Аксельрод приводит примеры спонтанной кооперации французских и немецких солдат, воевавших друг против друга в позиционных боях Первой мировой войны. Впрочем, использованная Аксельродом модель “дилеммы узника” — воображаемая рафинированная парная игра, тогда как социальный порядок в обществе скорее напоминает коллективную игру с огромным количеством участников и сложностью (невозможностью) мониторинга всех их действий. Значит, в обществе постоянно актуальна так называемая “проблема безбилетника” — бесплатное потребление рациональными эгоистами общественных ресурсов при одновременном уклонении от участия в их производстве. Эта проблема существенно подталкивает кооперацию и социальный порядок в целом. Его поддержание требует действия других, дополнительных факторов, кроме центральной власти государства и рынков.

Таким образом, в главе “Группы” второго издания хрестоматии речь идет о факторах социального упорядочения в групповой среде — связи

¹ Согласно теории игр, “дилемма узника” — парная игра с ненулевой суммой, в которой игроки пытаются получить выгоду путем сотрудничества друг с другом или предательства друг друга [Рибаченко, s.a.]. Предположим, что два преступника были схвачены примерно в одно время по подозрению в совершении схожих преступлений. Полиция имеет основания полагать, что они действовали по сговору. Исходя из этого сотрудники правоохранительных органов изолируют задержанных и предлагают каждому из них свидетельствовать против своего сообщника. Если один из них будет свидетельствовать против другого, а тот воздержится от свидетельств, то первого освободят за помощь следствию, а второй получит максимальный срок заключения. Если оба будут молчать — их действия будут квалифицированы по более легкой статье и они получат символический (наименьший) срок. Если оба свидетельствуют друг против друга, то получают короткий срок заключения. Каждый арестованный выбирает, молчать или свидетельствовать против другого. Однако ни один из них не знает наверняка, как поступит другой. Арестованным приходится делать свой выбор в условиях неопределенности. Разработчики теории игр на основе указанных выше исходных условий “дилеммы заключенного” чисто математически приходят к выводу: поскольку в любой ситуации предать выгоднее, чем сотрудничать, все рациональные игроки выберут предательство.

внутри групп (табл. 1). Прежде всего группы обеспечивают социальное согласие, консенсус и кооперацию людей, прививая им общие ценности. По определению Хечтера и Хорн, ценности как культурные явления являются: а) общими (применяемыми во многих различных ситуациях касательно разных видов поведения); б) устойчивыми (неизменными в течение довольно длительных временных отрезков); в) внутренними (запечатленными в индивидуальном сознании непосредственными побуждениями к действию); г) в основном навязанными или привитыми извне; д) критериями оценки (путем обозначения того, что хорошо и что плохо); е) отличными от более конкретных и преходящих повседневных предпочтений. То есть усвоенные ценности обеспечивают индивиду самоконтроль — самокритичное рассмотрение своих желаний и поступков и изменение их согласно этическим принципам группы, к которой этот индивид принадлежит или стремится принадлежать. Ценности побуждают людей к одобряемым в группе видам поведения и ограничивают нежелательные. Тогда как внешняя регуляция поведения индивида обеспечивается социальными нормами группы, которые в зависимости от обстоятельств запрещают определенное поведение или вменяют его в обязанность. В отличие от ценностей, нормы являются внешним критерием оценки поведения индивида на предмет его соответствия требованиям группы. Соблюдение норм опирается на применение группой санкций против нарушителей. В итоге просоциальные нормы обуславливают социальный порядок, поскольку по мере их соблюдения поведение людей будет предсказуемым и кооперативным.

Действие ценностного и нормативного групповых факторов социального упорядочения описано в приведенных в хрестоматии отрывках из работы Э.Дюркгейма “Самоубийство: Социологическое исследование” (см.: [Дюркгейм, 1998: с. 243–252, 298–319]). Дюркгейм рассматривал уровень (процент) самоубийств в обществе как индикатор социального порядка/беспорядка в нем. Он эмпирически наблюдал различия процента самоубийств в разных социальных группах в течение длительного времени и выделил четыре типа самоубийств, объяснив обуславливающие их социальные факторы (рис. 8).

В концептуальном континууме Дюркгейма центр социального порядка условно локализован в участке вокруг пересечения “оси” социальной (дез)интеграции и “оси” социальной (де)регуляции. Это означает, что порядок основан на сбалансированности социальной интеграции и регуляции, то есть на оптимальном соотношении степени связи индивида с обществом и уровня регуляционного влияния общества на индивида. Избыточная социальная интеграция или регуляция или их отсутствие — социальная дезинтеграция и дерегуляция — ведут к возникновению и существованию разных “сегментов” среды социального беспорядка. Указанный хаос проявляется в возрастании уровня разных типов самоубийств на условных полосах “оси” (дез)интеграции и “оси” (де)регуляции.

Экзистенциальной предпосылкой действия фактора социальной (де)интеграции Дюркгейм считает естественную потребность человека в цели собственного существования. При условии достаточной социальной интегрированности индивида такую цель ему обеспечивает социальная группа. В сплоченной группе индивид ощущает себя частью чего-то большего, нежели он сам. Это ощущение обосновывает для него ценность и целесообразность собственной жизни для сообщества даже в крайне трудных обстоятельствах. При недостаточной социальной интеграции (деинтегра-

ции), напротив, индивиду присущ высокий уровень индивидуализма, что может привести его к эгоистическому самоубийству в случае утраты для него ценности собственной жизни. Когда же социальная интеграция в очень сплоченной группе оказывается чрезмерной, индивиду присущ очень незначительный индивидуализм, что иногда может побуждать его к альтруистическому самоубийству в интересах своего сообщества. *Ситуационный механизм* здесь состоит в том, что социальная (дез)интеграция сообщества на макроуровне обуславливает определенное состояние индивида — высокий уровень индивидуализма или наличие чувства цели — преданности группе и групповым ценностям (рис. 9).

Рис. 8. Дюркгеймов концептуальный континуум и индикаторы социального порядка/беспорядка (по интерпретации М.Хечтера и К.Хорн)

Поведенческий механизм проявляется во влиянии отмеченных индивидуальных состояний индивида на совершение им индивидуального самоубийства — эгоистического/альтруистического, в зависимости от соответственно слабой/сильной преданности группе и усвоения групповых ценностей. Наконец, *трансформационный механизм* сводится к количественной агрегации случаев индивидуальных самоубийств в их общую долю в обществе макроуровня, которая свидетельствует о конкретном состоянии его социального упорядочения или хаоса.

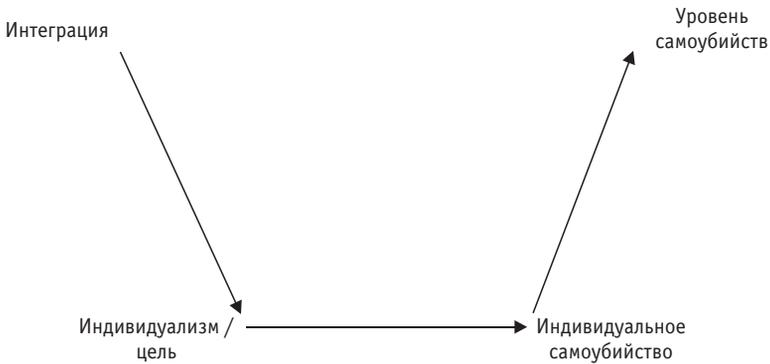

Рис. 9. Структурирование Дюркгеймовой теории эгоистического/альтруистического суицида по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Groups, s.a.: sl. 30]

В то же время экзистенциальной предпосылкой действия фактора социальной (де)регуляции Дюркгейм считает необходимость ограничения неумеренных и бесконечных человеческих потребностей, желаний и страстей. Поскольку самостоятельно индивид в большинстве случаев не может полагать им границы, они могут быть ограничены извне силой или моральным влиянием общества. В условиях относительной стабильности общество успешно прививает людям понимание и принятие отведенной им жизни. Поэтому люди смиряются с неизбежным неравенством разных видов человеческой деятельности и вознаграждений, предлагаемых обществом для каждого из этих видов. То есть существует социальный консенсус по поводу относительной ценности этих разных видов деятельности. В основном все осознают пределы своих амбиций и не стремятся к большему, чем имеют и заслуживают, а несбыточные мечты и деструктивные страсти усмиряются. Поскольку никто не может быть счастлив без этого, люди в целом удовлетворены, когда получают социально определенные и заслуженные вознаграждения. Но общество не может обеспечить такую необходимую регуляцию, когда переживает быстрые социальные изменения и преобразования вследствие технологических прорывов, экономических подъемов и спадов, природных, политических и военных катаклизмов. Когда эти возмущения тормозят социальную регуляцию, ее отсутствие приводит к «общественному хаосу, или *аномии*» [Дюркгейм, 1998: с. 309]. Речь идет об отсутствии или скорее эрозии ценностей и норм, при которой ожидания и желания людей выходят за определенные разумные пределы. Тогда обнаружение индивидом значительного и непреодолимого разрыва между своим действительным и желаемым положением в обществе вызывает у него состояние глубокого разочарования и неудовлетворенности своей жизнью, что может побуждать его к самоубийству. То есть индивидуальная аномия является причиной индивидуальных анонимных самоубийств, общий процент которых отражает степень общественного хаоса. В таком случае *ситуационный механизм* состоит в том, что прекращение социальной регуляции человеческих потребностей, желаний и страстей в условиях общественного кризиса вызывает у индивида индивидуальное внутреннее состояние аномии (рис. 10).

Поведенческий механизм проявляется как обусловленность индивидуальной аномией индивида его самоубийства — своеобразного бегства от личных страданий и несчастий в результате неосуществимых безгранич-

ных, несбыточных и неудовлетворенных мечтаний. *Трансформационным механизмом* является количественная агрегация фактов индивидуальных самоубийств в их процент для общества в целом, что отражает степень его социального упорядочения/хаоса.

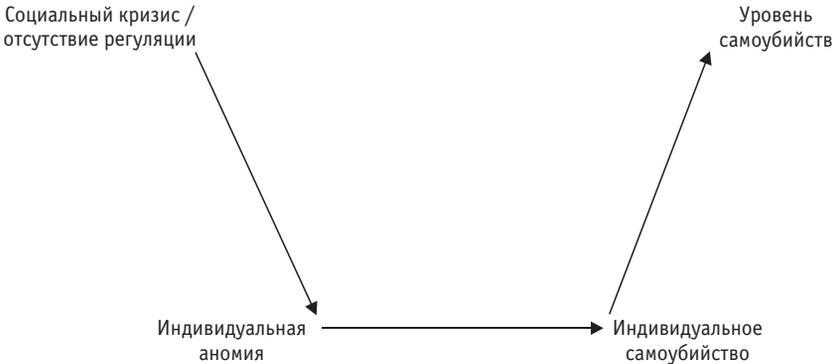

Рис. 10. Структурирование Дюркгеймовой теории аномийного суицида по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Groups, s.a.: sl. 39]

По схеме Дж.Коулмена (рис. 1) структурируется также сокращенная Дюркгеймова концептуализация феномена фаталистического самоубийства, вызванного материальным и моральным деспотизмом общества [Дюркгейм, 1998: с. 344]. Речь идет о чрезмерной регуляции обществом жизни индивида — беспощадной регламентации его будущего, жестоком подавлении его страстей нечеловеческой, неумолимой, непреодолимой и рутинной дисциплиной, что обуславливает индивидуальное состояние фатализма (*ситуационный механизм*). Фатализм индивида проявляется в его осознании собственной обреченности на неприемлемую судьбу — беспросветное и невыносимое прозябание — и становится побуждением к свершению фаталистического самоубийства (*поведенческий механизм*). Количественная агрегация случаев фаталистических самоубийств дает общий показатель их распространенности в обществе, фиксирующий уровень его социального упорядочения/хаоса вследствие деспотизма (*трансформационный механизм*).

Таким образом, в теоретизировании Дюркгейма речь идет о порядке/хаосе как в жизни отдельного индивида, так и в жизнедеятельности общества в целом. В то же время во всех обществах люди принадлежат к разным социальным группам. Эти группы связаны с общим социальным порядком сложными отношениями, поскольку могут как поддерживать, так и подтачивать его. Авторы-составители хрестоматии учитывают это обстоятельство. Поэтому они предлагают читателям ознакомиться также с теоретизированием А. де Токвиля касательно роли добровольных объединений в социальном упорядочении общества в отрывках из его работы “О демократии в Америке” (см.: [Токвиль, 1999: с. 412–418, 422–425]). Токвиль наблюдал ограничения свободы общественных объединений в условиях господства аристократии в европейских странах. Такая свобода считалась там причиной социальных беспорядков и хаоса. Однако ее подавление привело к социальной изоляции людей и к произволу и деспотизму власти. К тому же Токвиль, исследовав связи между североамериканской демократией и социальным порядком, пришел к выводу, что свобода ассоциаций способствует привитию гражданам просоциальных ценностей кооперации и сдержива-

нию их эгоизма. Добровольные общественные объединения трактуются им как школа демократического принятия решений, совместной скоординированной и скооперированной деятельности, самостоятельного упорядочения общества. Ведь опыт совместного участия людей в политических объединениях распространяется и на самостоятельные попытки решения местных проблем. Это дает людям понимание их взаимозависимости и плодотворности совместных усилий на пути ко всеобщему благу, что воплощается в кооперативном поведении и социальном упорядочении общества. *Ситуационный механизм* здесь заключается в том, что свобода ассоциаций в обществе делает возможным появление добровольных общественных объединений, участие в которых обуславливает овладение индивидом навыками сотрудничества и получение удовлетворения от кооперации (рис. 11).

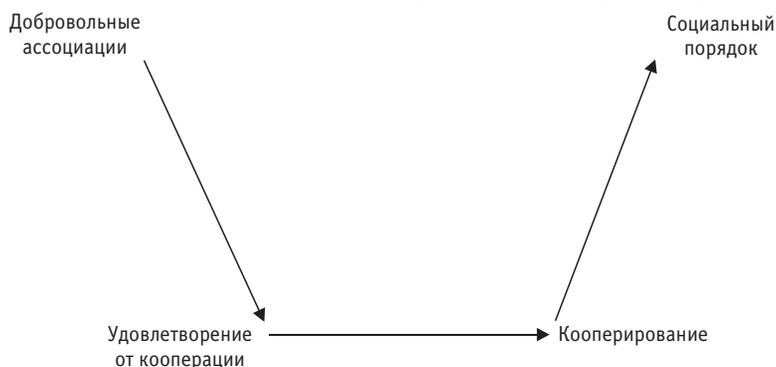

Рис. 11. Структурирование теории генезиса социального порядка Токвилля по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Groups, s.a.: sl. 53]

Поведенческий механизм проявляется, когда индивидуальное состояние удовлетворения от кооперации побуждает человека к кооперативному поведению. Наконец, *трансформационный механизм* сводится к агрегации взаимных кооперативных действий людей, активности образованных ими общественных объединений и их общественно полезным достижениям, что в итоге обеспечивает социальное упорядочение общества в целом. То есть участники добровольных общественных объединений собственноручно создают локальные или микросоциальные порядки, которые сообразно сочетаются и в совокупности образуют социальный порядок макроуровня. Но возможно ли продуцирование социального порядка на макроуровне в обществах, фрагментированных на обособленные и закрытые для посторонних социальные группы с собственными локальными порядками?

О возможностях появления социального порядка в глубоко фрагментированных обществах в хрестоматии речь идет при рассмотрении групповой солидарности и структуры сети связей между группами как фактора социального упорядочения. Среди ряда приведенных мнений по этому поводу особого внимания заслуживает идея Г.Зиммеля об одновременном членстве отдельного индивида в разнородных социальных группах как основе налаживания социальных связей между ними. Это Зиммелево трактование индивида как своеобразного “мостика” между социальными группами, способствующего их кооперации, со временем получило развитие на более широких эмпирических и теоретических основаниях. Поэтому читателям хрестоматии предлагаются более основательные исследования по данному

вопросу в отрывках из статьи М. Грановеттера “Сила слабых связей” (см.: [Грановеттер, 2009: с. 31–37, 43–45, 47–50]). Грановеттер интересуется, почему одни сообщества легко и плодотворно кооперируются для достижения общих целей, а другие оказываются не в состоянии мобилизовать свои ресурсы даже при возникновении серьезных угроз. Он изучает социальные сети сообщества, чтобы понять, облегчают или усложняют кооперацию особенности его сетевой структуры. Структура сети устанавливается благодаря силе межличностных связей ее членов. Сила межличностной связи трактуется как функция ее продолжительности, эмоциональной интенсивности, доверительности и ресурсной взаимности. По степени указанной силы межличностные связи в социальной сети делятся на три типа — сильные, слабые и отсутствующие. Свойствами сильных связей, согласно определению, являются продолжительность, интенсивность, доверительность и взаимность, свойствами слабых связей — соответственно быстротечность, инструментальность и обезличенность.

Как утверждает Грановеттер, укрепление связей между индивидами продуцирует самозакрытые и часто невосприимчивые к посторонним социальные группы — клики. Подобное закрытие группы путем уплотнения внутренних связей происходит при возникновении серьезных обязательств между индивидами и в результате их потребности в когнитивном балансе. Суть последнего в том, что человеку хочется, чтобы друзья его друга были также и его друзьями, ведь если друг его друга будет одновременно его врагом, это осложнит его отношения с его другом. Поэтому по мере укрепления непосредственной связи между двумя индивидами в социальной сети в ней возрастает доля других индивидов, с которыми оба будут связаны. То есть прочная непосредственная связь между двумя индивидами обычно дублируется рядом опосредованных связей между ними через их общих друзей. В конечном счете сложное общество с преобладанием прочных связей делится на клики, каждой из которых свойственна плотная внутренняя социальная сеть, сильная исключительная внутригрупповая солидарность и недоверие к другим кликам. Такое общество не способно к кооперации и легко скатывается к противоборствам между кликами и социальному хаосу. Итак, налицо парадокс: прочные связи, способствующие сплоченности на локальном уровне, приводят к фрагментации на макроуровне.

Совершенно противоположные последствия Грановеттер связывает с распространением в обществе слабых связей между индивидами. Типичными источниками их образования в современных обществах являются, по его определению, среды формальных организаций и труда. Поэтому слабые связи в этих средах с большей вероятностью объединяют представителей разных замкнутых малых групп, чем сильные, обычно сосредоточенные в рамках последних. Отсюда только слабая связь определяется как основание локального мостика в сети — единственно возможной связи между двумя ее разобщенными и изолированными секторами. Ведь никакая сильная связь по определению не является таким локальным мостиком, поскольку дублируется рядом других опосредующих связей. И подобно значимости мостов в сети автомагистралей, в социальной сети значение локального мостика как звена связи между двумя ее изолированными секторами возрастает по мере увеличения количества индивидов, для которых он является единственно возможной альтернативой. Исключительная важность слабых связей, являющихся локальными мостиками, состоит в создании путей для взаимо-

действий и передачи ресурсов между замкнутыми группами и кликами. Чем больше локальных мостиков в расчете на одного индивида существует в обществе макроуровня, тем больше его сплоченность и способность к кооперации. Следовательно, существует второй парадокс: слабые связи, которым часто приписывают распространение отчуждения, рассматриваются как необходимое условие возникновения у людей возможностей кооперации, а также их интеграции в социетальное сообщество. Обществу с преобладанием слабых связей присуща большая интенсивность межгрупповых отношений, большее доверие и кооперация между группами, более высокий уровень социального упорядочения и социетальной солидарности.

Таким образом, в сетевой теории отмечено влияние факторов групповой солидарности и структуры сетей внутригрупповых и межгрупповых связей на социальное упорядочение. *Ситуационный механизм* здесь заключается в том, что сети связей — в пределах группы и сквозные локальные связи между группами — обуславливают индивидуальную осведомленность и доверие индивида к представителям собственной и/или других групп (рис. 12).

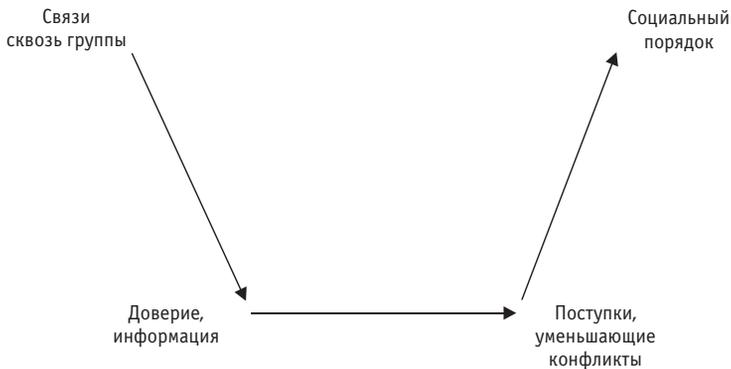

Рис. 12. Структурирование сетевой теории генезиса социального порядка по объяснительной схеме Дж.Коулмена [Networks, s.a.: sl. 33]

Поведенческий механизм проявляется в том, что эти индивидуальные внутренние состояния побуждают индивида кооперироваться с собственной группой и/или с обществом в целом. Действие *трансформационного механизма* сводится к тому, что индивидуальные действия, благоприятные для общества в целом, агрегируются для продуцирования социального порядка. На фоне подробного исходного теоретизирования эти производные от него дефиниции причинно-следственных связей и причинных механизмов отличаются лаконичностью, однозначностью, завершенностью, взаимосвязанностью и непротиворечивостью.

Данные свойства присущи и другим — приведенным выше — образцам реструктурирования теорий социального порядка по лекалам объяснительной схемы Дж.Коулмена. Во всех этих случаях для получения логически согласованной и завершенной по смыслу совокупности определений механизмов согласно указанной схеме уточняется и проясняется содержание многословных теоретизирований социально-философского и эмпирически-аналитического толка. При этом содержательная однозначность причинных утверждений о генезисе социального порядка достигается благодаря определению единых обоснованных толкований этих утверждений. Кроме того, отдельные

незавершенные по смыслу утверждения ведущих теоретиков развиваются и завершаются через реструктурирование по схеме Дж.Коулмена. Отмечаются также некоторые утверждения, отсутствующие во фрагментах из разработок теоретика, приведенных в книге, но контекстуально допустимые исходя из содержания его теоретических построений. При этом сокращены либо изъяты те его утверждения, которые ныне представляются сомнительными и ошибочными. Все эти действия по аналитическому реструктурированию теорий предполагают достаточную ознакомленность с их содержанием и наличие практических навыков теоретизирования. Если же указанные знания и навыки отсутствуют, они произвольно приобретаются и развиваются при выполнении задач по реструктурированию теорий.

Таким образом, преимущества применения объяснительной схемы Дж.Коулмена в преподавательской практике вполне очевидны: ее использование при реструктурировании, унификации и наглядном представлении концептуального дизайна теорий углубляет восприятие их содержания, делает возможным понимание отмеченных в них причинных порядков, понятий, утверждений и связей между ними. В то же время в теоретических и историографических исследованиях осуществление по такому единому критерию структурного анализа разных теорий, имеющих общий предмет, делает возможным обобщение, сравнение и выяснение их содержательных преимуществ и недостатков (см.: Приложение). Таким образом создаются предпосылки для поиска путей взаимодополнения разных теоретических подходов, а значит — теоретического синтеза. В эмпирических же исследованиях такое логическое прояснение теорий делает возможными их формализацию, операционализацию их ключевых понятий, выбор наиболее пригодных математических моделей связей между этими понятиями и последующую эмпирическую верификацию теоретических положений.

Разумеется, объяснительная схема Дж.Коулмена — не единственное возможное средство структурного анализа теорий, и не все теории вписываются в ее рамки. Но несмотря на это, опубликованные Хечтером и Хорн образцы структурирования классических и современных теорий наглядно демонстрируют полезность данного аналитического инструмента. Это делает более наглядными возможности теории при осмыслении реальной жизни, в научно-исследовательских проектах и в процессе разработки предложений по более эффективной социальной политике.

В целом хрестоматия, составленная М.Хечтером и К.Хорн, показывает, как в колледжах и университетах США готовят поколения будущих исследователей-социологов — теоретиков и эмпирических аналитиков. И этот учебно-методический опыт заслуживает внимания, заимствования и внедрения в Украине.

Источники

Вебер М. Господарство і суспільство: нариси соціології розуміння / Макс Вебер; пер. з нім. — К.: Вид. дім “Всесвіт”, 2012. — 1112 с.

Гацков М. Епістемологічні засади аналітичної соціології / Максим Гацков // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2014. — № 1. — С. 146–172.

Гацков М. Соціологічний аналіз і логос. Експланаторна схема аналітичної соціології / Максим Гацков // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2011. — № 4. — С. 143–161.

Гоббс Т. Левиафан, або Суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної / Гоббс Т. ; пер. з англ. — К. : Дух і Літера, 2000. — 606 с.

Грановеттер М. Сила слабых связей [Электронный ресурс] / Марк Грановеттер // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 4, сент. — С. 31–50. — Режим доступа : http://ecsoc.hse.ru/2009-10-4/annot.html#doc_26591138.

Дюркгайм Е. Первісні форми релігійного життя. Тотемна система в Австралії / Еміль Дюркгайм ; пер. з франц. — К. : Юніверс, 2002. — 424 с.

Дюркгайм Е. Самогубство: Соціологічне дослідження / Дюркгайм Е. ; пер. з франц. — К. : Основи, 1998. — 519 с.

Енгельс Ф. Походження сім'ї, приватної власності та держави. У зв'язку з дослідженням Льюїса Г. Моргана / К. Маркс, Ф. Енгельс // Твори ; [пер. з 2-го рос. вид.]. — К. : Вид-во політ. літератури України, 1964. — Т. 21. — С. 23–171.

Маркс К. Німецька ідеологія. Критика новітньої німецької філософії в особі її представників Фейєрбаха, Б. Бауера і Штірнера і німецького соціалізму в особі його різних пророків / К. Маркс, Ф. Енгельс // Твори ; [пер. з 2-го рос. вид.]. — К. : Держполітвидав УРСР, 1959. — Т. 3. — С. 7–521.

Мід Дж.Г. Дух, самість і суспільство. З точки зору соціального біхевіориста / Мід Дж.Г. ; пер. з англ. — К. : Укр. центр духов. культури, 2000. — 416 с.

Рибаченко В. Дилема в'язня і політична відповідальність [Електронний ресурс] / Віктор Рибаченко // Час і Події. — 2013. — № 51. — Режим доступу : <http://www.chasipodii.net/article/12713/>.

Ритцер Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер ; пер. с англ. — 5-е изд. — СПб. : Питер, 2002. — 688 с.

Сміт А. Добробут націй. Дослідження про природу та причини добробуту націй / Сміт А. ; пер. з англ. — К. : Port-Royal, 2001. — 594 с.

Токвіль А. де. Про демократію в Америці / Алексіс де Токвіль ; пер. з франц. — К. : Всесвіт, 1999. — 590 с.

Хайєк Ф.А. Право, законодавство та свобода: Нове викладення широких принципів справедливості та політичної економії: в 3 т. / Ф. А. Хайєк ; пер з англ. — К. : Сфера, 1999. — Т. 1 : Правила та порядок. — 1999. — 196 с.

Coleman J. Foundations of Social Theory / James Coleman. — Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 1990. — xvi, 993 p.

Groups: PowerPoint Slides (PPT) [Electronic resource] // Theories of Social Order, 2nd ED / ed. by Michael Hechter and Christine Horne. — 97 slides. — Access mode : <http://www.sup.org/socialorder/?f=Groups.htm> (s.a.).

Hierarchies: PowerPoint Slides (PPT) [Electronic resource] // Theories of Social Order, 2nd ED / ed. by Michael Hechter and Christine Horne. — 70 slides. — Access mode : <http://www.sup.org/socialorder/?f=Hierarchies.htm> (s.a.).

Individuals: PowerPoint Slides (PPT) [Electronic resource] // Theories of Social Order, 2nd ED / ed. by Michael Hechter and Christine Horne. — 54 slides. — Access mode : <http://www.sup.org/socialorder/?f=Individuals.htm> (s.a.).

Markets: PowerPoint Slides (PPT) [Electronic resource] // Theories of Social Order, 2nd ED / ed. by Michael Hechter and Christine Horne. — 76 slides. — Access mode : <http://www.sup.org/socialorder/?f=Markets.htm> (s.a.).

Networks: PowerPoint Slides (PPT) [Electronic resource] // Theories of Social Order, 2nd ED / ed. by Michael Hechter and Christine Horne. — 38 slides. — Access mode : <http://www.sup.org/socialorder/?f=Networks.htm> (s.a.).

Theories of Social Order: A Reader / Michael Hechter and Christine Horne (Ed.). — Palo Alto, CA : Stanford University Press, 2003. — 356 p.

Theories of Social Order: A Reader, Second Edition / Michael Hechter and Christine Horne (Ed.). — Stanford, CA : Stanford University Press, 2009. — 368 p.

Обобщение проявлений, главных факторов и механизмов продуцирования социального порядка по содержанию хрестоматии, составленной М.Хечтером и К.Хорн

Проявления порядка	Главный фактор упорядочения	Механизмы			Трансформационный
		Ситуационный	Поведенческий		
Социализированные индивиды	Общее значение	I*. Физическая и социальная среда влияют на образование и понимание людьми разных общих значений	II. Общие значения координируют поведение индивидов, обуславливают его предсказуемость	III. Агрегация координированных и предвиденных действий индивидов продуцирует социальный порядок	
Иерархии	Центральная власть	I. Социальная структура вызывает конфликт интересов, обуславливающих спрос индивида на правление IV. Правительство вызывает у индивида страх быть наказанным за антисоциальное поведение и/или прививает веру в его легитимность	III. Спрос индивида на правление побуждает его к подчинению и лояльности центральной власти V. Страх быть наказанным и вера в легитимность правительства удерживают индивида от девяцаций и побуждают его к кооперативному поведению	III. Агрегация индивидуальных лояльностей власти обуславливает появление дееспособного правительств VI. Кооперативные поведения индивидов агрегируются для продуцирования социального порядка	
Рынки	Взаимозависимость	I. Взаимозависимость индивидов ведет к возникновению у них заинтересованности в кооперации	II. Заинтересованность индивида в операции побуждает его к кооперативному поведению.	III. Агрегация кооперативных взаимодействий образует социальный порядок на макроуровне	
Группы	Связи внутри групп	I. Группа обуславливает интернализацию индивидом групповых ценностей и/или появление у него заинтересованности в соблюдении групповых норм IV. Государство наказывает антисоциальные контрпродуктивные группы или вознаграждает просоциальные группы	II. Усвоенные индивидом групповые ценности и/или заинтересованность в соблюдении групповых норм побуждают его к кооперации V. Угроза наказаний и перспектива вознаграждений побуждает группы к просоциальным действиям	III. Кооперативные поведения индивидов агрегируются и продуцируют локальный социальный порядок на уровне группы VI. Агрегация просоциальных действий групп продуцирует макросоциальный порядок	
Сети	Групповая солидарность и структура сети связей	I. Групповая и/или межгрупповая сети связей обуславливают осведомленность и доверие индивидов к предшественникам собственной и/или других групп	II. Осведомленность и доверие индивида побуждают его кооперироваться с собственной группой и/или с обществом в целом	III. Индивидуальные кооперативные действия агрегируются для продуцирования социального порядка на макроуровне	

* I–III и I–VI — последовательности действия причинных механизмов.